

УДК 355.231(47).072/083

В статье анализируются неуставные отношения в кадетских корпусах и кавалерийских юнкерских училищах Русской императорской армии. Детально рассмотрены «цук» - аналог нынешней «дедовщины» и «закальство» - традиция нарочитой грубости и хамства, бытовавшая среди воспитанников кадетских корпусов.

Ключевые слова и фразы: кадетский корпус; кавалерийское юнкерское училище; Русская императорская армия; «цук»; «закальство»; «дедовщина»; неуставные отношения.

Алексей Николаевич Гребенкин, к.и.н.

Кафедра «Философия и история»

Госуниверситет - Учебно-научно-производственный комплекс

angrebyonkin@mail.ru

НЕУСТАВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[©]

Неуставные отношения были неотъемлемым атрибутом едва ли не всех кадетских корпусов и военных училищ Русской императорской армии. Специфика закрытого, тесно сплоченного мужского мирка порожидала то, что воспитанники Сен-Сира именовали «бизютажем», студенты Итона - «фаггингом», русские же кадеты и юнкера вслед за немецкими буршами - «цуком». Наследницей «цука» (который, кстати сказать, русским солдатам не был знаком) является современная «дедовщина». В кадетских корпусах с «цуком» была тесно переплетена чисто «кадетская» форма неуставных отношений - «закальство» (или «старокадетчина»).

Родиной «цука» традиционно считается Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров - «Славная Школа», как ее называли выпускники. Это верно лишь отчасти. С одной стороны, название традиции, ее основные атрибуты и формы действительно возникли в Школе. С другой стороны, традиция подчинения младших воспитанников старшим, в которой так или иначе присутствует элемент издевательства, появилась в кадетских корпусах задолго до основания «Славной Школы» [6, с. 67-68]. Ее носителями были так называемые «закалы».

«Закалы», «старые кадеты», «коренные кадеты», «старикашки», «отчаянные» - так на кадетском жаргоне именовались второгодники или воспитанники старших классов, отличавшиеся «тихими успехами, но громким поведением», издевавшиеся над физически слабыми товарищами и открыто бросавшие вызов как начальству, так и всему укладу корпусной жизни. «Закальство» как социокультурное явление, присущее практически всем кадетским корпусам Российской империи, было своеобразной формой протеста кадетов против палочной дисциплины. Этот протест возникал там, где «воспитание строится на насилии над личностью, при попустительстве начальства, которому это выгодно, поскольку позволяет тратить меньше сил на управление коллективом лично» [10, с. 71].

Наиболее обобщенная характеристика «закала» дана бывшим воспитанником Первого кадетского корпуса А. А. Одинцовым: «Старыми кадетами называли в корпусе тех, которые считали правилом быть грубыми с начальниками и учителями, худо учиться и иметь ноги колесом» [19, с. 305].

Не менее яркий портрет дал в своих воспоминаниях В. Г. фон Бооль, служивший в Первом кадетском корпусе: «Идет, сильно стуча каблуками, обшлага на рукавах отворочены, нижняя пуговица куртки расстегнута, смотрит на всех, особенно на начальство, зверем, если скажет что-нибудь, то непременно густым басом» [15, с. 77]. Вот еще одна зарисовка с натуры: «Куртка и брюки запачканные, а иной раз и разорванные, крючки на воротнике и несколько пуговиц на борту не застегнуты, сапоги нечищенные, волосы взерошенные, руки исцарапанные с грязными ногтями, кулаки сжатые, физиономия мрачная, а иной раз и подбитая» [18, с. 72-73].

Во Втором кадетском корпусе «старые кадеты» отличались не оборванным, а, наоборот, франтоватым видом: они носили сапоги на высоких каблуках, расклеванные брюки и чрезвычайно широкий мундир, обыкновенно расстегнутой. Следили за своим внешним видом и «старички» Морского корпуса: брюки клеш, кожаный пояс с бронзовой цепочкой, по-особому пришитые пуговицы, из-под расстегнутой куртки виднелся красный платок.

Как правило, все «закалы» нюхали и курили табак и были страстными игроками, поэтому их карманы были полны махорки, пуговиц и перьев. При первой же возможности они напивались до бесчувствия, посылая за водкой запуганных ими корпусных служителей.

Особенно много «закалов» было среди выпускных. В Первом кадетском корпусе кадеты первой роты (т.е. выпускные) «щеголяли цинизмом. Они ходили в грязных, заплатах куртках, пели громко неприличные песни, нюхали табак, курили, старались говорить басом, дурно учились, сидели в классах среднего возраста годами и не кончали курса наук, грубили начальству, под розгами не кричали и проч. Они в шутку били маленьких по голове и жестоко расправлялись с теми, кто пожалуется или не подчиняется кадетским законам; не позволяли говорить по-французски или по-немецки, и за это били. От них нецензурные песни передавались по остальным ротам» [4, с. 74].

«Закалы» преследовали тех, кто хорошо учился, не враждовал с офицерами и учителями, был аккуратно одет и имел не зверское, а веселое выражение лица, грабили младших воспитанников, заставляли их приносить из отпуска лакомства, табак, спиртное.

В самом начале XIX в., когда еще не было «закалов», традиция подчинения младших старшим, существовавшая, в частности, во Втором кадетском корпусе, была связана в основном с «испытанием» новичков. При этом «наблюдалась справедливость, состоящая в том, чтобы маленькие кадеты обучали маленьких новичков, средние - средних и большие - больших» [5, с. 558]. Через тридцать лет в этом же учебном заведении никаких моральных препонов уже не существовало, и «старые кадеты» могли распоряжаться имуществом и личностью новичков, как им заблагорассудится. Один из бывших воспитанников Второго кадетского корпуса вспоминал: «Я был свидетелем одной безобразной сцены: по рогатому коридору шел возвратившийся из отпуска воспитанник ..., рядом с воспитанником шла его мать; вдруг какой-то сорванец подбегает к нему, ударом кулака сбивает с него кивер, хватает лежавшие в нем гостинцы - и был таков!» [12, с. 399]. Отдельные «закалы» доходили до того, что писали от имени новичков письма их родным с просьбой прислать денег.

«Цук» Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и корпусной «цука» имели разную природу. Воспитанники Школы с самого начала существования учебного заведения «цукали» своих младших товарищей с целью воспитания их в духе почитания традиций Школы, формирования в них воинской дисциплины, прививали им знание уставов, воинских традиций и основ субординации. Оттенок угнетения, неизбежный в этом случае, имел подчиненный характер, и «корнеты» (юнкера старшего курса), упиваясь своей властью над «зверями» (юнкерами младшего курса), не смели злоупотреблять ею. Власть старших над младшими была строго регламентирована; старший не смел даже пальцем дотронуться до младшего. Угнетение же «закалами» новичков и «слабеньких» в кадетских корпусах являлось в первую очередь именно неприкрытым издевательством; при этом никаких границ произволу «закалов» не было. Младших изводили не для того, чтобы сделать хорошими военными, а чтобы потешить свое самолюбие, получить деньги, табак, лакомства и т.д.

Иногда «подтяжка» принимала весьма уродливые формы, вырождаясь в откровенное унижение человеческого достоинства. П. А. Кропоткин, учившийся в Пажеском корпусе, вспоминал: «Всего лишь за год до моего поступления в корпус любимая игра их (камер-пажей - воспитанников старших классов Корпуса - А. Г.) заключалась в том, что они собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в круге, другие - вне его и гуттаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. «Цирк» обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный лад» [11, с. 78]. В Первом кадетском корпусе мальшей заставляли пить чернила. В Инженерном училище «рябцев» били деревянными линейками по рукам, пока они не вспухали. Неудивительно, что многие воспитанники, пройдя через все издевательства, сами становились «отчаянными» и вымещали злость за прежние обиды на вновь поступивших в корпус «малолетках».

Что касается традиции «цука», то она появилась в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров вследствие убогости духовной атмосферы в этом учебном заведении, торжества идеи превосходства бравых, но не слишком обремененных знаниями военных над штатскими, презрительно именуемыми «штафирками» и «рябчиками», и стремления старших воспитанников поддержать традиции «славной Школы», во что бы то ни стало вытравив из своих младших товарищей всё, что считалось «штатским» и недостойным лихого вояки. Со временем «цук» трансформировался в сложную идеологическую систему со своим неписанным уставом и массой сопутствующих традиций и обычаев, детально регламентирующих взаимоотношения между воспитанниками.

«Мы отделяли шалость, школьничество, шутку от предметов серьезных, когда затрагивалась честь, достоинство, звание или наносилось личное оскорбление. Мы слишком хорошо понимали, что предметами этими шутить нельзя, и мы не шутили ими. В этом деле старые юнкера имели большое значение, направляя или, как говорилось обыкновенно, вышколивая новичков, в числе которых были люди разных свойств и наклонностей. Тем или другим путем, но общество или, иначе сказать, масса юнкеров достигала своей цели, переламывая натуры, попорченные домашним воспитанием...» [1, с. 37], - вспоминал выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков И. В. Анненков. Больше всего доставалось тем воспитанникам, которые не стремились слиться с общей массой юнкеров и прибегали к наущничеству, а также физически слабым и трусливым юношам и «маменькиным сынкам». Через «цук» так или иначе прошли все питомцы «славной Школы». Примечательно, что в своих воспоминаниях они единодушно оправдывали суровые порядки, находя их полезными для воспитания личности будущего офицера. Анненков писал: «...Школьное перевоспитание, как оно круто ни было, имело свою хорошую сторону в том отношении, что оно формировало из юнкеров дружную семью, где не было места личностям, не подходящим под общее настроение» [Там же].

Вопрос о том, когда сложилась традиционная атрибутика «цука», остается открытым. Разумеется, ее формирование, если принять во внимание отшлифованность каждой детали сложнейших ритуалов, заняло как минимум два-три десятилетия. Предания Школы гласят, что основоположником большинства традиций «цука» был Михаил Лермонтов (в Школе его называли «корнетом Лермонтовым»): якобы именно им написаны непристойные песни, первые «приказы по курилке», сочинена знаменитая «Звериада». Даже борозда на полу в курительной комнате, отделявшая половину «корнетов» от половины «зверей», согласно преданиям, была проведена шпорой Лермонтова. И это несмотря на то, что сам поэт немало пострадал от грубых нравов своих со товарищей и впоследствии называл время, проведенное в стенах Школы, не иначе как «два страшных года» [13, с. 80].

Можно предположить, что традиция «цука» и ее атрибуты стали складываться лишь в 50-х-60-х гг. XIX века в Николаевском кавалерийском училище - так стала называться Школа после переименования. В 20-х-30-х гг. между ее воспитанниками не было необходимой общности для формирования традиций; учащиеся были приписаны к своим полкам и не испытывали чувства единения в стенах Школы. В 1837 г. Школа была переведена на 4-летний срок обучения и стала комплектоваться не юнкерами и подпрапорщиками полков, а юношами 13-15 лет [23, с. 52]. Важными вехами стали упразднение звания подпрапорщика в 1859 г., покончившее с сепаратизмом и рознью в стенах Школы, и переименование заведения в 1864 г. в Николаевское кавалерийское училище с двухлетним сроком обучения. Именно начиная с 1864 г. стали возможны знаменитая дихотомия «зверь - корнет» и основанный на любви к «славной Школе» «цук», имеющие своей целью воспитание юнкеров младшего курса в традициях преклонения перед Николаевским кавалерийским училищем и полками русской императорской армии. Лермонтов стал считаться основателем традиций лишь потому, что был, пожалуй, самым известным питомцем Школы и автором нескольких стихотворений, ей посвященных. Отметим, что «майоры» (второгодники), «полковники» (просидевшие по два года в каждом из классов) и «генералы» (те, которые провели в стенах училища пять лет вместо двух положенных) могли появиться лишь после 1864 г. - в 1823-1837 гг. предельный срок пребывания в Школе составлял три года. Возможность освобождения от действия традиций (т.е. нахождения на положении «красного»), табу на физическую расправу и детально разработанная атрибутика (традиционные вопросы, «Звериада» и проч.) также появились во второй половине XIX в., в эпоху смягчения нравов.

Пик «цука» пришелся на конец XIX - начало XX вв., когда его внешняя атрибутика (именование кадетов-второгодников «майорами», «Звериада», бессмысленные вопросы и др.) перекочевала в кадетские корпуса. Но сущность корпусного «цука» не изменилась, и он по-прежнему сводился к простому издевательству над теми, кто был слабее и младше.

В пореформенных кадетских корпусах параллельно существовали «мягкий» и «жесткий» варианты «цука». «Жесткий» не был скован никакими рамками: в него входили разврат, глумление над религиозными чувствами, унижительные шванц-парады, педерастия, которые доводили «цукаемых» до отчаяния и попыток самоубийства [22, с. 203-207]. Младших кадетов заставляли принимать на себя вину за проступки старших, плясать для потехи, устраивать гладиаторские поединки, воровать деньги у воспитателей [16, с. 67-56].

«Мягкий» вариант «цука» сводился к простому преподаванию правил вежливости «забывшимся» воспитанникам, не обходившемуся, однако, без рукоприкладства.

Что же касается «цука» в кавалерийских училищах, то он в начале XX в. представлял собой сложнейший, уникальнейший социокультурный феномен.

Основой его, как и ранее, было деление юнкеров на «зверей» (младший курс) и «корнетов» (старший курс). Разница между первыми и вторыми была огромна: «Они - корнеты, благородное корнетство, хранители священных заветов предыдущих выпусков, благодетели лихого кавалерийского духа и, строго говоря - наши главные воспитатели и учителя. ... самое главное - непоколебимые традиции школы, «цук» и ожидающее нас «благородное корнетство»... Они - корнеты, мы - звери, сугубые звери, вандалы, скифы, сарматы, пернатые, хвостатые, мохнатые. Мы добровольно избрали себе наш путь, ведущий в ряды офицеров Российской конницы - и идем к огненному чистилищу, через которое с преклоненной головой должен пройти каждый будущий корнет» [3, с. 5].

Если в кадетских корпусах «майоры» занимались в основном только тем, что отбирали у младших воспитанников гостинцы, требовали принести им из дома папирос или денег, рассказывать сказки на ночь, выть на луну, то юнкера-«дядьки» (в Славной Южной Школе - Елизаветградском кавалерийском училище - они назначались сменными офицерами [7, с. 22]) действительно занимались воспитанием своих подопечных. «Словесность», или иначе «дислокация» на юнкерском языке, обязывала каждого «молодого» в возможно краткий срок, в его собственных интересах, научиться ездить верхом, стать отличным строевиком, изучить подробно не только всё, относящееся к семидесяти двум полкам регулярной кавалерии, но - здесь включался элемент издеательства - также имена всего начальства и в том числе всех юнкеров старшего курса, с добавлением того, в какой полк каждый из них намерен выйти.

Для быстрого усвоения «молодежью» всей этой премудрости старший курс постоянно экзаменовал «молодых» в любой час дня и ночи и в любом месте: в спальне, коридоре, столовой, курилке, уборной и в манеже; везде «сугубец» должен был быть готов перечислить гусарские или уланские полки, объяснить подробности той или иной формы. Пока по всей такой науке молодые не сдавали экзамена у своего «дядьки», им не было ни отдыха, ни покоя.

В Елизаветградском кавалерийском училище экзамен сдавался «корнетскому комитету», состоявшему из всех юнкеров старшего курса: «За покрытым красным сукном большим столом, установленным всевозможного рода атрибутами кавалерийского обмундирования и вооружения, торжественно восседал «корнетский комитет». «Звери» вызывались к столу по списку, тянули билеты, готовились к ответу и, представ перед «экзаменаторами», отчетливо отвечали на билеты. Последние содержали следующие вопросы: 1) один Гвардейский кавалерийский полк; 2) один армейский уланский; 3) один армейский драгунский; 4) один армейский гусарский и 5) вопрос по «школьной литературе». Кроме того, «экзаменаторами» предлагались свободные вопросы по всему «курсу», бьющие обыкновенно на находчивость. Получалось впечатление настоящего экзамена, но приправленного большим количеством замечательного и неподражаемого юмора» [2, с. 119].

В смысле предела своей власти над младшим курсом, старший, вопреки всем фантазиям и рассказам, был строго ограничен определенными рамками, переходить которые не имел права, под страхом лишения «корнетского звания». За этим строго следил «корнетский комитет». Председатель корнетского комитета являлся верховным блюстителем и знатоком традиций Школы; компетенция его была неоспорима.

Однако некоторые откровенные издевательства были разрешены. Так, если ночью старшему хотелось в уборную, он будил своего «зверя» и верхом на нем отправлялся за своей естественной нуждой. Это никого не удивляло и считалось вполне нормальным. Если старшему не спалось, он нередко будил младшего и развлекался, заставляя последнего рассказать похабный анекдот, или же говорил ему: «Молодой, пулей назовите имя моей любимой женщины» или «Молодой, пулей назовите полчок, в который я выйду корнетом». Разбуженный «зверь» обыкновенно отвечал на эти вопросы безошибочно, так как обязан был знать назубок как имена женщин, любимых старшими, так и полки, в которые старшие намеревались поступить. В случае неправильного ответа старший тут же наказывал «зверя», заставляя его присесть на корточках подряд раз тридцать или сорок» [21, с. 80]. Проходя сзади «зверя», «корнету» надлежало высоко поднимать ноги, как бы переступая невидимый «пушистый звериный хвост» [20, с. 46]. Однако, согласно обычаю, «корнеты» не имели права задевать личного самолюбия «молодого». Последний был обязан выполнить беспрекословно все то, что выполняли до него юнкера младшего курса из поколения в поколение. Но у «зверя» было право обжаловать в корнетский комитет то, в чем можно усмотреть «издевательство над его личностью», а не «сугубым званием зверя». «Корнеты», например, не имели права с неуважением дотронуться хотя бы пальцем до юнкера младшего курса, уж не говоря об оскорблении. Это правило никогда не нарушалось ни при каких обстоятельствах. Немыслимы были и столкновения юнкеров младшего курса между собой с применением кулачной расправы и взаимных оскорблений.

Бывший питомец «Славной Школы» Анатолий Марков вспоминал: «Надо при этом отдать полную справедливость старшему курсу в том, что он для дрессировки молодежи не жалел ни своего времени, ни сил, ни отдыха. С утра и до вечера можно было наблюдать повсюду картину того, как «корнеты», расставив каблук и запустив руки в карманы рейтуз, трудились над молодежью во славу Школы» [14, с. 68].

За внешней бессодержательностью «цука» скрывался глубокий смысл: шуткой и постоянными физическими упражнениями выработать находчивость, а из неповоротливого тюленя сделать отчетливого строевика [17, с. 183]. Этим часто пользовалось и училищное начальство. Так, во время Первой мировой войны (когда «цук» был официально запрещен) один из руководителей Елизаветградского кавалерийского училища полковник Аракин поручил «отчетливому строевику» С. Лукину негласно «поцукать» своего племянника - 45-летнего бывшего прокурора Архангельского, по собственному желанию поступившего на военную службу. Результат не замедлил себя ждать: «Вскоре Архангельский перестал из себя изображать недвижимого висельника на турнике, эскадронами начинал наносить неприятные удары своему противнику, на вольтижировке уже не был только бегом сопровождающим лошадь и в седле стал сидеть уверенно» [9, с. 166]. Впоследствии Архангельский был произведен в офицеры и получил орден Св. Владимира IV степени с мечами.

И корпусной «цук», и «цук» «славной Школы» благополучно дожили до 1917 г. и перекочевали в эмигрантские военно-учебные заведения, сохранив практически все свои элементы. Тоска по Родине, разлука с родными, оставшимися в Советской России, ощущение собственной заброшенности и ненужности провоцировали возникновение между воспитанниками распушенности, пьянства, воровства, и эти явления зачастую сообщали корпусному «цуку» уродливые формы [8, с. 72].

Список литературы

1. Анненков И. В. Воспоминания генерал-адъютанта И. В. Анненкова // Наша старина. 1917. № 3.
2. Басен-Шпиллер П. Славная Южная Школа // Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища / под ред. С. Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965.
3. Вадимов Е. Корнеты и звери - «Славная Школа»: очерки. Нью-Йорк: Изд-е Н. З. Рыбинского, 1954. 66 с.
4. Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого: 1830-1850 гг. // Вестник Европы. 1900. № 11.
5. Записки генерал-майора Н. В. Вохина // Русская старина. 1891. № 3.
6. Ивченко Л. Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М.: Молодая гвардия, 2008. 695 с.
7. Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища / под ред. С. Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965. 239 с.
8. Квакин А. Клуб самоубийц // Родина. 2003. № 3.
9. Кинашевский Л. Присяга // Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища / под ред. С. Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965.
10. Кожухов Ю. В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа (на материалах кадет. корпусов и воен. гимназий): дисс. ... канд. пед. наук. М., 1996. 168 с.
11. Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1991. 544 с.
12. М. Л. Несколько заметок о Втором кадетском корпусе // Военный сборник. 1862. № 4.
13. Мануйлов В. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: биография писателя. Л.: Просвещение, 1976. 176 с.
14. Марков А. Л. Кадеты и юнкера // Никитин В. Многострадальные. М.: Воен. изд-во, 2001. 263 с.
15. Михайлов А. Жизнь под барабан // Родина. 2003. № 1.
16. Михайлов А. Шляхетный корпус // Там же. 1997. № 6.
17. О цуке // Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища / под ред. С. Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965.

18. **Ольшевский М. Я.** Первый кадетский корпус в 1826-1833: воспоминания генерала от инфантерии М. Я. Ольшевского // Русская старина. 1886. № 1.
19. **Посмертные записки А. А. Одинцова** // Там же. 1889. № 11.
20. **Смирнов Р. В.** «Дикий обычай» славной гвардейской школы: цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М.: Любимая книга, 2010. 125 с.
21. **Трубецкой В. С.** Записки кирасира: мемуары. М.: Россия, 1991. 218 с.
22. **Цук** // Педагогический сборник. 1908. № 9.
23. **Шкот П. П.** Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823-1898. СПб., 1898. 133 с.

ACTS OF VIOLENCE IN MILITARY-EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Aleksei Nikolaevich Grebenkin, Ph. D. in History
Department of Philosophy and History
State University - Educational-Scientific-Industrial Complex
angrebyonkin@mail.ru

Acts of violence in cadet corps and cavalry military schools of the Russian Imperial Army are analyzed in the article. "Tsuk" (violence against younger conscripts in the army) and "zakal'stvo" - the tradition of intentional rudeness and boorishness which existed among cadet corps inmates are considered in detail.

Key words and phrases: cadet corps; cavalry military school; Russian Imperial Army; "tsuk"; "zakal'stvo"; "dedovshchina" (violence against younger conscripts in the army); acts of violence.

УДК 86.372

В статье исследуются особенности регулирования строительной деятельности в монастырях Верхнего Поволжья (Тверская, Ярославская, Костромская епархии) во второй половине XVIII - начале XX в. Автор рассматривает основные этапы разработки проектно-сметной документации, порядок согласования проектов с гражданскими и церковными властями, меры по обеспечению сохранности особо ценных объектов.

Ключевые слова и фразы: строительная деятельность; монастыри; Верхнее Поволжье; Тверская епархия; Ярославская епархия; Костромская епархия; вторая половина XVIII - начало XX века.

Валерий Витальевич Денисов, кандидат культурологии
Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей
vvdenisov@bk.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОНАСТЫРЯХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII - НАЧАЛО XX ВЕКА)[©]

Во второй половине XVIII - начале XX в. в связи с общей бюрократизацией управленческой деятельности Русской Православной церкви усложнился порядок получения разрешений на проведение ремонтных или строительных работ. Если на предыдущих этапах для возведения культового или хозяйственного объекта на территории монастыря требовалось лишь формальное разрешение (благословение) архиерея, то в синодальный период данная область деятельности монастырей стала регулироваться большим числом указов и предписаний. В статье эта тема рассматривается на примере монастырей региона Верхнего Поволжья, включавшего в себя Тверскую, Ярославскую и Костромскую епархии.

Порядок разработки строительной документации состоял из нескольких обязательных этапов, включавших архитектурное и инженерное проектирование, составление сметы, согласование с гражданскими и церковными органами власти, выбор подрядчика, закупку строительных материалов, архитектурный и технический надзор, обеспечение пожарной безопасности, сохранности особо ценных объектов.

Аналогичным образом обстоит дело с подготовкой указов и распоряжений, регулирующих строительную деятельность обителей РПЦ. В большинстве случаев инициатива их подготовки исходила из Святейшего Синода, исполнявшего волю императора. Оттуда документы поступали на рассмотрение епархиальным архиереям, которые организовывали их рассылку по монастырям и выполнение на подведомственной территории. В таких случаях одинаковые по содержанию материалы практически одновременно оказывались в архивных фондах разных монастырей. Регулирование строительной деятельности на уровне епархии обеспечивалось нормативными документами, исходившими от епархиальных архиереев. Такие документы направлялись только в монастыри соответствующей епархии или в одну конкретную обитель.